

Дискуссионные вопросы проблем реализации конституционных свобод совести и вероисповедания институтами гражданского общества (в формах религиозных объединений)

Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания). М.: АО «Первая Образцовая типография»; 2020. 672 с.

Debatable Issues of the Problems of the Implementation of Constitutional Freedoms of Conscience and Faith by Civil Society Institutions (In the Forms of Religious Associations)

Review of K.M. Andreev's monograph "The Right to Believe in Modern Russia" (questions of the implementation of constitutional freedom of faith). Moscow: The First Pattern Printing House; 2020. 672 p.

Монография кандидата юридических наук К.М. Андреева «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания), несмотря на ее практическую, можно сказать, утилитарную направленность на популяризацию и разъяснение положений действующего законодательства, имеет и теоретическую ценность, так как освещает вопросы национального культурного кода и морали, а также философские вопросы, связанные с религиозным мышлением и мировосприятием.

К.М. Андреев полагает, что необходимо проводить различие «между внешними проявлениями свободы и убеждений, которые могут ставить под угрозу безопасность других людей (общественную безопасность) и теми проявлениями, которые касаются безопасности только непосредственно самого человека» (стр. 14). Речь может идти о так называемом «праве на смерть» (*right to death*). Автор, на наш взгляд, необоснованно идеализирует и абсолютизирует право личности при реализации своих внутренних, в том числе религиозных, убеждений, полагая, что это личное дело самого человека, однако при этом забывает, что реализация любого права, в том числе на эвтаназию, должна восприниматься с позиций права всего общества, его готовности к определенным решениям, а также соотноситься с вопросами национальной безопасности. Эвтаназия в ракурсе, обсуждаемом в современном обществе, касается не только самого человека, претендующего на нее, но и актора, воплощающего его волю, действия которого формально делают его убийцей.

Можно согласиться с отказом от медицинского вмешательства после смерти по религиозным убеждениям (в некоторых религиях запрещено

совершать какие-либо манипуляции с телом всем, кроме близких покойного), да и то, если объективно такое вмешательство не принципиально. Но в случае с переливанием крови, хирургическим вмешательством, от которого отказывается, например, законный представитель несовершеннолетнего, подвергая тем самым последнего смертельному риску, вряд ли это можно назвать личным делом верующего. Как справедливо заключает сам автор, критерием вмешательства государства в вопрос реализации конституционной свободы является защита жизни человека (стр. 16). Комитет по правам человека ООН¹, в частности, подчеркивает, что носители религиозного мышления убеждены, что их система ценностей является отражением единственно правильных норм морали. Однако опора на какую-либо одну культурную и религиозную традицию, особенно в условиях многокультурной и многоконфессиональной палитры общества, как это в частности представлено в России, недопустима.

В числе факторов, обуславливающих сложности при реализации свободы вероисповедания в России, К.М. Андреев выделяет неравенство религиозных объединений и отсутствие оформленной концепции государственно-конфессиональных отношений. Хотелось бы остановиться на этих тезисах, не соглашаясь с ними. Во-первых, действующее российское законодательство, начиная с основного закона, гарантирует полное равенство всем субъектам религиозных отношений, а кивок в сторону преамбулы закона о религии², на наш взгляд, не вполне корректен,

¹ URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=8&DocTypeID=11.

² Преамбула Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

так как лишь подчеркивает многоконфессиональное разнообразие российского общества, светский характер государства при уважительном отношении к традиционным религиям. Говорить о привилегированности традиционных конфессий неуместно, так как их особенное положение (по отношению к новым религиозным движениям) обусловлено не столько волей законодателя, сколько сложившейся в обществе системой ценностей, и связано с национальной идентификацией и менталитетом. Во-вторых, в тех странах, где некоторые религии имеют статус традиционных (скандинавские, латиноамериканские страны и др.) религиозной дискриминации не существует. О юридическом равенстве достаточно подробно писал В.С. Нерсисянц, который определял его как единство равной меры свободы и справедливости. Право лишь оценивает фактическое многообразие партикулярных отношений³. Что касается проблемы отсутствия формализованной концепции государственно-конфессиональных отношений, роль последней вполне выполняет сложившаяся в обществе традиция. Другой важный, на наш взгляд, вопрос, который поднимает в своей монографии К.М. Андреев — о степени автономии религиозных организаций и пределах вмешательства в эту автономию государства в процессе регулирования религиозных правоотношений. К.М. Андреев полагает, что современное российское государство необоснованно слишком сильно вмешивается в деятельность религиозных объединений и связывает это с вступлением России в фазу так называемого «мобилизационного проекта»⁴, которую автор определяет как противостояние России с Западом в процессе восстановления позиций, утраченных в ходе холодной войны. В результате, утверждает К.М. Андреев, в современной России имеется тенденция борьбы с «внутренним врагом», роль которого, по мнению автора, играют новые и некоторые традиционные религиозные движения, ориентированные на западную религиозную традицию. Ценность институтов гражданского общества в процессе построения правового государства не вызывает никаких сомнений, и их автономия является действительно важным фактором гармоничного и полноценного развития⁵. Автор делает достаточно

любопытный ретроспективный анализ развития идеи автономии негосударственных общественных институтов в рамках западноевропейской культуры, каковыми являются религиозные институты. Идеи Августина Блаженного⁶, деятелей Возрождения и Реформации привели к возникновению светской модели государства, неантагонистичного при этом по отношению к религиозным институтам. Интересным, на наш взгляд, является авторское видение французской Конституции 1791 г. и «Декларации прав человека и гражданина» как реализации идеи нормативно-правового акта, преодолевающего давление, оказываемое на общество (*lex canonica*). Таким образом, по мнению автора, были реализованы идеи Августина о «двух градах», распределившие сферы ведения светского государства и институтов гражданского общества. Следует, однако, заметить, что Россия, воспринимая отчасти западную модель построения общества, идет по своему историческому пути, реализуя идеалы византийской модели, предполагающей концепцию «симфонии властей», о которой, как принято считать, писал Юстиниан I⁷. К.М. Андреев полагает, что данная концепция не работает в России. С этим нельзя согласиться. На фоне достаточно сложных проблем в сфере религии, столкновения различных ее форм и традиций (неудачи с идеями мультикультурализма в Европе, усиление исламского экстремизма) Россия является собой поистине «тихую гавань» государственно-конфессиональных отношений.

Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. заложили основы становления институтов гражданского общества в форме религиозных объединений. Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. и Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» завершили этот процесс. Автор, на наш взгляд, ошибочно полагает, что «Закон Яровой»⁸ и внесенные дополне-

³ Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. Вопросы философии. 2002;(3):3–15.

⁴ Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В. Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия; 2013. 128 с.

⁵ Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен. Гражданское общество в России и за рубежом. 2014;(3):3–7.

⁶ URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/.

⁷ Избранные новеллы Юстиниана. В.А. Сметанин, введ. ст., пер., комм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2005. 340 с.

⁸ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»; Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления допол-

ния в Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» дезавуировали предшествующие шаги. Процесс становления модели автономии институтов гражданского общества в форме религиозных объединений продолжается, а государство лишь реализует свои властные функции, регулируя складывающиеся отношения с целью их гармонизации и обеспечения положений основного закона. То, что данный процесс подразумевает определенное ограничение свобод, не может вызывать сомнений. Что, однако, не является признаком притеснения государством автономии религиозных объединений.

С принятием «Закона Яровой», полагает автор, был введен дополнительный признак религиозного объединения — «миссионерская деятельность». Проблему нового закона К.М. Андреев видит в правоприменительной практике, в результате которой под миссионерской деятельностью стала пониматься любая деятельность религиозного объединения. Не вдаваясь в тонкости административного законодательства, подчеркнем небезыңтересные, на наш взгляд, авторские рефлексии на эту тему, которые ставят перед научным сообществом ряд дискуссионных вопросов.

Может ли деятельность физического лица, не связанного с религиозным объединением, признаваться миссионерской? Со ссылкой на работу А.Е. Митько «Православная миссиология в системе теологических знаний» К.М. Андреев выделяет «миссионально ориентированное мышление», подчеркивая важность утверждения новых дефиниций *актора, адресата и концепта миссии*, которые, по его мнению, могут способствовать преодолению дефицита определений в законодательстве, регулирующем религию⁹. Миссионерская деятельность, подчеркивает автор, рассматривается в рамках действующего законодательства как деятельность от лица религиозных объединений, игнорируя при этом отдельно взятого верующего, возможно, не связывающего себя какой-либо конфессиональной принадлежностью. Могут ли действия такого актора рассматриваться как миссионерские? Другая проблема — вопрос «*девиантного актора*», который «формируется внутри экклесиологически неопределен-

ного адресата миссии»¹⁰. К.М. Андреев задает вопрос: «является ли фактический «актор миссии» в период после его выхода за рамки экклесиологического единства с материнской религией и до юридического оформления нового религиозного объединения лицом, осуществляющим “миссионерскую деятельность”»? (стр. 94). Этот вопрос непосредственно связан с процессом появления новых религиозных движений, которые возникают как раз благодаря деятельности индивидуального (независимого) актора и девиантного (по отношению к материнской религии) актора. Нельзя не согласиться с автором, что этот вопрос требует теоретического осмысления, который послужит совершенствованию действующего законодательства в области религии.

И еще одна тема, поднимаемая К.М. Андреевым в его монографии, заслуживает, с нашей точки зрения, внимания. Речь идет о нарушениях режима «*религиозной тайны*», о чем в свое время автор уже писал в другой монографии¹¹. Авторский концепт трехаспектной интерпретации религиозной тайны определяет ее как специфическую информацию, нормативный режим и собственно вид тайны. Последняя, согласно авторской интерпретации, связана с другими охраняемыми законом тайнами: семейной и личной. И здесь также открывается поле для широкой научной дискуссии по вопросам пределов вмешательства государства в вопросы реализации конституционных свобод совести и вероисповедания.

В целом, научная монография К.М. Андреева «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания) представляется, на наш взгляд, небезыңтересной для исследователей в различных областях знания: философских, юридических и культурологических дисциплинах. А дискуссионность некоторых положений и авторских концептов не снижает ее ценности.

Петрова Татьяна Эдуардовна,
доктор социологических наук, профессор,
советник Департамента культуры
Правительства Российской Федерации
Petrova Tatiana Eduardovna,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Advisor to the Department of Culture of
Government of the Russian Federation

нительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

⁹ Митько Август Евгеньевич (игумен Серапиона). Православная миссиология в системе теологических знаний» по специальности: автореф. дис. ... доктора теологии: 26.00.01. М.; 2019.

¹⁰ Там же.

¹¹ Андреев К.М. Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания. М.: Юриспруденция; 2015. 232 с.